

СЕМЕЙНАЯ ДИНАСТИЯ ИССЕРСОН-БАРАНОВЫХ: ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ ВРАЧЕЙ НА СЛУЖБЕ ЛЮДЯМ

Встретившись с Людмилой Васильевной Барановой, заслуженным врачом Республики Карелия и Российской Федерации, руководителем общественного совета по здравоохранению при Минздравсоцразвития Карелии, мы долго говорили о семейных корнях. Сошлись на том, что, не зная истории рода, невозможно понять многое о современной жизни, ее внутренних задачах, связях между поколениями.

Людмила Баранова, врач-трансфузиолог, отдала пятьдесят лет жизни петрозаводской станции переливания крови. За заслуги перед медициной имеет государственные награды. Людмила Васильевна с уважением и вниманием изучает семейную историю знаменитой династии врачей Иссерсон-Барановых, которая внесла значительный вклад в развитие медицины на Северо-Западе России - в Карелии. Из поколения в поколение передавалось в этом роду высокое призвание - исцелять людей.

- Людмила Васильевна, с какого момента Вы точно прослеживаете историю Вашего рода?

- Я полагаю, что изначально корни семьи Иссерсон - из западной Белоруссии или Литвы: об этом можно судить по сохранившимся фотографиям прадеда Давида Марковича Иссерсона, сделанным в Белостоке. Точно известно, что он закончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Так что достоверные, мне известные, сведения о предках начинаются с 1844 года - даты рождения прадеда. После окончания академии Давид Маркович служил военным врачом. Через два года после демобилизации он получил должность земского врача в небольшом городке Лодейное Поле (Олонецкая губерния), где и проработал двадцать пять лет.

Могут сказать, что труд земского врача был очень тяжелым: доктор лечил людей на очень большом территориальном участке, на лошадах по бездорожью колесил по окрестным деревням в любое время года. Как минимум раз в месяц он должен был объехать весь свой участок! К тому же, днем и ночью его могли вызывать к больному. Периодически вспыхивали эпидемии, нужно было вовремя их предотвращать.



Д.М.Иссерсон (справа)

С момента принятия «Положения о губернском и уездном земстве» и введения соответствующего указа в 1864 году прошло не так много времени, система еще не сложилась окончательно. Именно земские врачи внесли огромный вклад в развитие российской медицины, помогли приблизиться к больным. Прадед был очень активным, неравнодушным человеком. Помимо непосредственных обязанностей он еще активно занимался общественной деятельностью, был одним из организаторов Красного Креста в Олонецкой губернии.

- Кроме фотографий и справок из архивов, что еще у Вас в семье сохранилось от прадеда?

- Очень грустно, что революционные времена прервали связь поколений, уничтожили реликвии, хранимые в семье. Давид Маркович был награжден орденом Святой Анны третьей степени, Святого Станислава второй степени, знаком

Красного Креста... Представляете, как замечательно было бы сегодня взять в руки эти бесценные свидетельства прошлого! К сожалению, большая часть наших семейных ценностей утрачена.

Вероятно, докторов в нашей семье больше, чем мы сегодня знаем: на Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге, неподалеку от синагоги, мы разыскали несколько могил врачей с фамилией Иссерсон, возможно, это наши родственники. Потом, работая с архивными материалами, я обнаружила в северной столице еще нескольких Иссерсонов, которые занимались медицинской деятельностью. Так что, возможно, наша врачебная династия достаточно многочисленна. Полагаю, что в архивах Вильнюса можно было бы найти интересные свидетельства о представителях нашего рода.

- Ваш дед, Михаил Давыдович Иссерсон, тоже стал знаменитым врачом. Расскажите о нем, пожалуйста.

- Сначала еще несколько слов о прадеде, Давиде Марковиче. Когда решался вопрос о получении образования его сыном Михаилом, он принял православие. Об этом сохранились записи в метрической книге Лодейного Поля. Еврейским детям тогда было очень сложно получать образование.

В своих записках мой дед Михаил Давыдович свидетельствует, что его отец, пережив все тяготы работы земской медицины, изначально был против того, чтобы сын продолжил его путь. На решение начать заниматься врачебным делом, как пишет Михаил Давыдович, повлияло то, что в семье было много медиков. Компромиссом с отцом стало поступление на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Естественное образование оказалось исключительно полезным для будущей специальности деда, который не оставлял желания стать врачом и поступил далее на медицинский факультет в Киевский университет Святого Владимира, сразу на третий курс.

Когда началась русско-японская война (1904-1905), дед был мобилизован, военные годы провел в полевом госпитале в Порт-Артуре, его первая научная работа была посвящена исследованию цинги. За участие в военных действиях в осажденном Порт-Артуре он был награжден орденом Святой Анны третьей степени с мечами.

Первые годы врачебной деятельности Михаила Давыдовича после войны прошли на Украине: в Киеве, в больнице для чернорабочих, в Одессе и Балте. У него был хороший учитель - профессор хирург К.М. Сапешко, который высоко оценил желание работать и способности талантливого молодого врача, его внимательное отношение к больным. Когда Олонецкое земство объявило конкурс на замещение вакантной должности заведующего хирургическим отделением, именно К.М. Сапешко порекомендовал ученику подать свои документы на конкурс. Назначение состоялось, так, с 1908 года жизнь Михаила Давыдовича Иссерсона оказалась неразрывно связанной с Карелией. Эта связь прервалась только в 1914 году в связи с его участием в Первой мировой войне, откуда он вернулся живым и здоровым.



М.Д.Иссерсон

Михаил Давыдович всегда очень заботливо относился и к молодым хирургам, и к больным. Дом, в котором он жил, находился через дорогу от лечебницы. Из окна его квартиры были видны окна операционной. Если в них загорались огни, он шел в операционную проверить, что происходит, кого оперируют.

Можно сказать, что М.Д. Иссерсон явился одним из организаторов здравоохранения Республики Карелия, особенно в области хирургии. Само здание современного по тем временам хирургического отделения построено во многом благодаря ему. Началось строительство здания в 1910 году, успешно завершилось через два года. В этом корпусе получи-

ли рождение и развитие многие хирургические специальности – урология, отоларингология, онкология... Михаил Давыдович стал первым главным хирургом Карелии после введения этой должности, потом дело продолжил мой отец. Не отставала от мужчин и мама – главный хирург горздравтодела.

Михаил Давыдович открыл в Петрозаводске филиалы двух ленинградских институтов (травматологии и переливания крови). Он успешно укреплял и развивал связи с профессурой северной столицы. До начала войны совмещал руководство хирургической лечебницей и Станцией переливания крови. Трижды побывал в командировках за рубежом (в Германии, Швейцарии, Франции). Все новое, передовое, что можно было внедрить на родине, было отсюда привнесено. Благодаря деду, в Петрозаводске появился первый рентгеновский аппарат и первая лаборатория.

В послевоенное время Михаил Давыдович, продолжая возглавлять Станцию переливания крови, немало времени отдавал общественной работе: дважды становился депутатом Верховного Совета КАССР. Сохранилась его рабочая записная книжка, в которой он детально фиксировал, с какими просьбами к нему обращались люди. За большой вклад в развитие здравоохранения он был награжден орденом Ленина. Позднее такую награду получили его дочь Зинаида, моя мама, и мой отец, Василий Баранов. Дед был заслуженным врачом Карело-Финской ССР.

Когда Михаила Давыдовича хоронили в 1955 году, проститься с ним пришли сотни человек, улица перед фельдшерской школой, где проходило похороны, была заполнена людьми, которым он в разное время помогал. Его провожали под траурные мелодии в исполнении симфонического трио. Авторитет Михаила Давыдовича в Петрозаводске был очень высок, благодарность пациентов казалась безграничной – все это я смогла понять только годы спустя. До сих пор, приходя на могилы деда и родителей, я вижу, что кто-то приходит поклониться им, принеся цветы, вербочки, конфеты, сыплот пшено для птиц... Люди помнят таких врачей, возвращают им душевное тепло даже многие годы спустя. Хирургической лечебнице Петрозаводска было присвоено имя М.Д.Иссерсона.

- Оба Ваших родителя – тоже известные врачи. Как сложились их жизни?

- Мама, Зинаида Михайловна Иссерсон, с детства очень хотела стать хирургом. После «девятилетки» (тогда в школе учились 9 лет) она дважды пыталась поступать в вуз, но ей отказывали по возрасту. Год она проучилась в Институте физкультуры имени П.Ф.Лесгафта в Ленинграде. Наконец ее мечта осуществилась – она была принята во Второй медицинский институт (Государственный медицинский университет имени И.И.Мечникова), ориентированный на выпуск врачей санитарно-гигиенического профиля, который и закончила успешно. Год пришлось отработать по специальности, после чего мама всерьез занялась хирургией.

Во время войны нас отправили в эвакуацию сначала в Вытегру, затем за Урал. Мама ехала начальником поезда. Только мы добрались до места, как ее вызвали осмотреть больного с острым аппендицитом, потребовалось срочное оперативное вмешательство. Зинаида Михайловна, как и ее муж Василий Александрович, всегда возила с собой хирургические инструменты. Первую операцию в эвакуации она провела при шести керосиновых лампах. Спусти почти полвека, спасенный разыскал маму, написал ей теплое благодарное письмо.

После возвращения в Карелию Зинаида Михайловна до 1966 года заведовала хирургическим отделением в петрозаводской городской больнице. Избиралась депутатом районного совета.

Отец окончил Петрозаводскую фельдшерскую школу, она была организована в 1899 году. Так случилось, что ее выпускниками стали сначала двоюродный брат отца Петр Филимонов, а потом и родной – Михаил Баранов, оба были очень довольны полученной специальностью, рекомендовали поступать и Василию. Так мой папа, Василий Александрович Баранов, по примеру братьев принял решение пойти учиться в фельдшерскую школу, успешно ее закончил, работал в Пудожском уезде. Продолжил образование в Государственном институте медицинских знаний, вернулся в Петрозаводск, трудился в хирургической лечебнице, был заведующим травматологическим отделением.

Во время войны отец призвался на фронт, но пробыл в армии три дня – его отозвали для оказания медицинской помощи гражданскому населению. В Беломорске, в эвакуации, отец работал заведующим хирургическим отделением. Тем не менее, он получил боевую награду – медаль «За отвагу»: сотрудники больницы участвовали в строительстве военного аэродрома. После войны отец работал главным врачом хирургической лечебницы имени М.Д. Иссерсона.

В 1950 году было принято решение об открытии в Петрозаводске Республиканской больницы, отец занимался ее организацией и возглавлял на протяжении пяти лет. Затем был главным врачом больницы Министерства здравоохранения, продолжал хирургическую практику. Дважды избирался депутатом Верховного Совета КАССР, работал заместителем Председателя Президиума. Как и мама, он – заслуженный врач КАССР и Российской Федерации.

Василий Александрович был очень организованным человеком, оставил интересные записи о развитии хирургической помощи в Карелии, систематизировал домашний архив, часть которого сегодня передана Национальному

музею Республики Карелия. Сожалею, что мы не часто говорили с ним о моей работе. Он умер в августе 1978 года. Вскоре врачи Республиканской больницы обратились с ходатайством в Минздрав республики о присвоении больницы имени В.А.Баранова. Уже через восемь месяцев это осуществилось.

- Доводилось ли Вам работать вместе с родителями?

- Такое случилось единственный раз, на практике после 4 курса. Отец оперировал, мама ассистировала, а я «стояла на крючках» – вторым ассистентом. Отец рекомендовал мне становиться не хирургом, а окулистом.

- Что самое главное для себя Вы вынесли, исследуя биографии Ваших родных?

- Мы с братом воспитывались на примерах родителей и рассказах о том, как жили, работали, как относились к больным, друзьям, родственникам. Никакого назидания, начетничества, повышенного голоса или дурных слов в доме.

Когда я размышляю о судьбах родителей и деда, невольно задумываюсь обо всем, что в последние годы утрачивается в нашей медицине. Прежде всего, основополагающее – заботливое, внимательное, уважительное отношение к больному. Был очень высокий спрос за поддержание порядка. Особое внимание уделялось уходу за пациентом. Если врач видел, что у тяжелобольного не подстрижены ногти, немедленно следовало замечание. Недопустимыми считались грубость и невнимательное отношение к жалобам или просьбам больных.

Убедена на примере своих родных старшего поколения, что руководитель обязательно должен быть хорошим воспитателем – разумным и негрубым, деликатным. Только тогда можно создать коллектив единомышленников, изнутри зная каждого человека, его сильные и слабые стороны.

- На протяжении многих лет Вы служите медицине. Как складывался Ваш профессиональный путь?

- Во многом главное направление моей работы определилось благодаря случайному разговору с Верой Александровной Дрейман, врачом-хирургом, «правой рукой» моего деда Михаила Давыдовича на станции переливания крови. После его ухода с работы Вера Александровна стала главным врачом петрозаводской Станции переливания крови. Однажды, когда я еще была студенткой мединститута, она пригласила меня к себе работать, продолжить дело деда... Даже не зная почему, я ей пообещала, что обязательно приеду.

Так и получилось: с 1 сентября 1959 по 31 декабря 2009 года я работала на станции переливания крови. Среди основных достижений коллектива за этот период – строительство станции в 1968 году, открытие лабораторий, новых отделений. Я старалась, по возможности, внедрить прогрессивный зарубежный опыт в работу учреждения.

В 1995 году мы в числе трех ведущих станций – Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска – значительно раньше многих станций в стране получили аппараты по автоматической заготовке плазмы. Практически с этого времени не было никакой разницы в методе получения плазмы по сравнению с западными учреждениями службы крови.

В 1975 году по итогам смотра работы станций переливания крови мы были вторым учреждением в Российской Федерации, через пять лет получили премию Министерства здравоохранения СССР и общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Наша станция участвовала в пилотном проекте «Федеральная программа развития службы крови», и мы были одними из первых, где эта программа реализовывалась. За годы работы сложился коллектив, состоящий из специалистов высокого уровня, настоящих единомышленников. Я очень благодарна всем, с кем мне пришлось работать. В последние годы, после выхода на пенсию, я являюсь председателем Общественного совета по вопросам здравоохранения при Министерстве здравоохранения и социального развития Республики Карелия.

Надеюсь, что наша семейная династия врачей будет продолжаться, в нее пришло пятое поколение. Хочется, чтобы преемственность сохранялась, и в новых поколениях нашей семьи появлялись замечательные врачи – достойные продолжатели дела Иссерсон-Барановых.

Бесеговала Наталья Лайдиген



Хирургическое отделение Губернской земской больницы

Моя любимая еврейская мама

Я очень любил этот рассказ Махмуда о своей маме. О ней он говорил всегда, первый тост за любимым столом был за нее. 15 июля гению танца исполнилось бы 90. Вспоминая его с любовью и теплотой.

Мой отец чеченец и мама чеченка. Отец прожил 106 лет и женился 11 раз. Вторым браком он женился на еврейке, одесситке Софье Михайловне. Ее и только ее я всегда называю мамой. Она звала меня Мойше. - Мойше, - говорила она, - я в ссылку поехала только из-за тебя. Мне тебя жалко.



Это когда всех чеченцев переселили в Среднюю Азию. Мы жили во Фрунзе. Я проводил все дни с мальчишками во дворе. - Мойше! - кричала она. - Иди сюда. - Что, мама? - Иди сюда, я тебе скажу, почему ты такой худой. Потому что ты никогда не видишь дна тарелки. Иди скушай суп до конца. И потом пойдешь. - Хорошая смесь у Мойши, - говорили во дворе, - мама - жидовка, отец - гитлеровец.

Ссылных чеченцев там считали фашистами. Мама сама не ела, а все отдавала мне. Она ходила в гости к своим знакомым одесситам, Фире Марковне, Майе Исааковне - они жили побогаче, чем мы, - и приносила мне кусочек студенья или еще что-нибудь.

- Мойше, это тебе. - Мама, а ты ела? - Я не хочу.

Я стал вести на мясocomбинате кружок, учил танцевать балльные и западные танцы. За это я получал мешок лошадиных костей. Мама сидела с них кусочки мяса и делала котлеты наполам с хлебом, а кости шли на бульон. Ночью я выбрасывал кости подальше от дома, чтобы не знали, что это наши. Она умела из ничего приготовить вкусный обед. Когда я стал много зарабатывать, она готовила куриные шейки, цимес, она приготавливала селедку так, что можно было сойти с ума. Мои друзья по Киргизскому театру оперы и балета до сих пор вспоминают:

"Миша! Как ваша мама кормила нас всех!"

Но сначала мы жили очень бедно. Мама говорила: "Завтра мы идем на свадьбу к Меломедам. Там мы покушаем гефилте фиш, гусиные шкварки. У нас дома этого нет. Только не стесняйся, кушай побольше".

Я уже хорошо танцевал и пел "Варнечекес". Это была любимая песня мамы. Она слушала ее, как Гимн Советского Союза. И Тамару Ханум любила за то, что та пела "Варнечекес".

Мама говорила: "На свадьбе тебя попросят станцевать. Станцуй, потом отдохни, потом спой. Когда будешь петь, не верти шейей. Ты не



жираф. Не смотри на всех. Стань против меня и пой для своей мамочки, остальные будут слушать".

Я видел на свадьбе ребе, жениха и невесту под хупой. Потом все сядили за стол. Играла музыка и начинались танцы-шманцы. Мамочка говорила: "Сейчас Мойше будет танцевать". Я танцевал раз пять-шесть. Потом она говорила: "Мойше, а теперь пой". Я становился против нее и начинал: "Вы не мят мен, ву не мят мен?". Мама говорила: "Видите, какой это талант!" А ей говорили: "Спасибо вам, Софья Ми-

хайловна, что вы правильно воспитали одного еврейского мальчика. Другие ведь как русские - ничего не знают по-еврейски".

Была моей мачехой и цыганка. Она научила меня гадать, воровать на базаре. Я очень хорошо умел воровать. Она говорила: "Жиденек, иди сюда, петь будем".

Меня приняли в труппу Киргизского театра оперы и балета. Мама посещала все мои спектакли. Мама спросила меня: - Мойше, скажи мне: русские - это народ? - Да, мама. - А испанцы тоже народ? - Народ, мама. - А индусы? - Да. - А евреи - не народ? - Почему, мама, тоже народ. - А если это народ, то почему ты не танцуешь еврейский танец? В "Евгении Онегине" ты танцуешь русский танец, в "Лакме" - индусский. - Мама, кто мне покажет еврейский танец? - Я тебе покажу. Она была очень грузная, весила, наверно, 150 килограммов. - Как ты покажешь? - Руками. - А ногами? - Сам придумаешь.

Она напевала и показывала мне "Фрейлехс", его еще называют "Семь сорок". В 7.40 отходил поезд из Одессы на Кишинев. И на вокзале все плясали. Я почитал Шолом-Алейхема и сделал себе танец "А юнгер шнайдер". Костюм был сделан как бы из обрезков материала, которые остаются у портного. Брюки короткие, зад - из другого материала. Я все это обыграл в танце. Этот танец стал у меня бисовкой. На "бис" я повторял его по три-четыре раза.

Мама говорила: "Деточка, ты думаешь, я хочу, чтоб ты танцевал еврейский танец, потому что я еврейка? Нет. Евреи будут говорить о тебе: вы видели, как он танцует бразильский танец? Или испанский танец? О еврейском они не скажут. Но любить тебя они будут за еврейский танец".

В белорусских городах в те годы, когда не очень поощрялось еврейское искусство, зрители-евреи спрашивали меня: "Как вам разрешили еврейский танец?". Я отвечал: "Я сам себе разрешил".

У мамы было свое место в театре. Там говорили: "Здесь сидит Мишина мама". Мама спрашивает меня: - Мойше, ты танцуешь лучше всех, тебе больше всех хлопают, а почему всем носят цветы, а тебе не носят? - Мама, - говорю, - у нас нет родственников. - А разве это не народ носит? - Нет. Родственники.

Потом я прихожу домой. У нас была одна комнатка, железная кровать стояла против двери. Вижу, мама с головой под кроватью и что-то там шурует. Я говорю:

- Мама, вылезай немедленно, я достану, что тебе надо. - Мойше, - говорит она из под кровати. - Я вижу твои ноги, так вот, сделай так, чтоб я их не видела. Выйди. Я отошел, но все видел. Она вытянула мешок, из него вынула заштопанный старый валенок, из него - тряпку, в тряпке была пачка денег, перевязанная бечевкой. - Мама, - говорю, - откуда у нас такие деньги? - Сыночек, я собрала, чтоб тебе не пришлось бежать и искать, на что похоронить мамочку. Ладно похоронят и так.

Вечером я танцую в "Раймонде" Абдурахмана. В первом акте я влезаю на сцену в шикарной накидке, в золоте, в чалме. Раймонда играет на лютне. Мы встречаемся глазами. Зачарованно смотрим друг на друга. Идет занавес. Я фактически еще не танцевал, только выскочил на сцену. После первого акта администратор подает мне роскошный букет. Цветы передавали администратору и говорили, кому вручить. После второго акта мне опять дают букет. После третьего - тоже. Я уже понял, что все это - мамочка. Спектакль шел в четырех актах. Значит и после четвертого будут цветы. Я отдал администратору все три букета и попросил в финале подать мне сразу четыре. Он так и сделал. В театре говорили: подумайте, Эсамбаева забросали цветами.

На другой день мамочка убрала увядшие цветы, получилось три букета, потом два, потом один. Потом она снова покупала цветы.

Как-то мама заболела и лежала. А мне дают цветы. Я приношу цветы домой и говорю:

- Мама, зачем ты вставала? Тебе надо лежать. - Мойше, - говорит она. - Я не вставала. Я

не могу встать. - Откуда же цветы? - Люди поняли, что ты заслуживаешь цветы. Теперь они тебе носят сами. Я стал ведущим артистом театра Киргизии, получил там все награды. Я люблю Киргизию, как свою Родину. Ко мне там отнеслись, как к родному человеку.

Незадолго до смерти Сталина мама от своей подруги Эсфирь Марковны узнала, что готовится выселение всех евреев. Она пришла домой и говорит мне:

- Ну, Мойше, как чеченцев нас выселяют сюда, как евреев нас выселяют еще дальше. Там уже строят бараки. - Мама, - говорю, - мы с тобой уже научились ездить. Куда вышлют, туда поедem, главное - нам быть вместе. Я тебя не оставлю.

Когда умер Сталин, она сказала: "Теперь будет лучше". Она хотела, чтобы я женился на еврейке, дочке одессита Пахмана. А я ухаживал за армянкой. Мама говорила: "Скажи, Мойше, она тебя кормит?" (Это было еще в годы войны).

- Нет, - говорю, - не кормит. - А вот если бы ты ухаживал за дочкой Пахмана... - Мама, у нее худые ноги. - А лицо какое красивое, а волосы... Подумаешь, ноги ему нужны.

Когда я женился на Нине, то не могу сказать, что между ней и мамой возникла дружба.

Я начал преподавать танцы в училище МВД, появились деньги. Я купил маме золотые часики с цепочкой, а Нине купил белые метамлические часы. Жена говорит:



- Маме ты купил золотой цепочкой вместо того, чтоб купить их мне, я молодая, а мама могла бы и простые носить. - Нина, - говорю, - как тебе не стыдно. Что хорошего мама видела в этой жизни? Пусть

хоть порадуется, что у нее есть такие часы. Они перестали разговаривать, но никогда друг с другом не ругались. Один раз только, когда Нина, подметая пол, вышла с мусором, мама сказала: "Между прочим, Мойше, ты мог бы жениться лучше". Это единственное, что она сказала в ее адрес. У меня родилась дочь. Мама брала ее на руки, клала между своих больших грудей, ласкала. Дочь очень любила бабушку. Потом Нина с мамой сами разобрались. И мама мне говорит: "Мойше, я вот смотрю за Ниной, она таки неплохая. И то, что ты не женился на дочке Пахмана, тоже хорошо, она избалованная. Она бы за тобой не смогла все так делать". Они с Ниной стали жить дружно.

Отец за это время уже сменил нескольких жен. Жил он недалеко от нас. Мама говорит: "Мойше, твой отец привел новую нежэиву. Пойди посмотри." Я шел.

- Мама, - говорю, - она такая страшная! - Так ему и надо.

Умерла она, когда ей был 91 год. Случилось это так. У нее была сестра Мира. Жила она в Вильнюсе. Приехала к нам во Фрунзе. Стала приглашать маму погостить у нее: "Софа, приезжай. Миша уже семейный человек. Он не пропадет месяц-другой без тебя". Как я ее отговаривал: "Там же другой климат. В твоём возрасте нельзя!" Она говорит: "Мойше, я погощу немного и вернусь". Она поехала и больше уже не приехала.

Она была очень добрым человеком. Мы с ней прожили прекрасную жизнь. Никогда не нуждались в моем отце. Она заменила мне родную мать. Будь они сейчас обе живы, я бы не знал, к кому первой по-дойти и обнять.

Литературная запись Ефима Захарова



Бейн ха-Мецарим: от 17 Тамуза до 9 Ава

Трехнедельный траурный период между 17 Тамуза и 9 Ава называется Бейн ха-Мецарим, дословно "между теснин", в соответствии со словами книги Эйха (1:3): "Все гонители настали на нее (Иудею) между теснин". Это дни, когда вавилоняне и римляне разрушали Иерусалим, после того как были пробиты его стены, до полного разрушения Храма.

В этот период мы уменьшаем радость. Не устраиваем свадьбы (можно произвести помолвку и до 1 Ава устроить праздничную трапезу). Воздерживаемся от слушания музыки, от танцев, путешествий для удовольствия, а также от стрижки волос. (По обычаям сефардов, можно стричь волосы вплоть до начала недели, на которую приходится 9 Ава.) Также не принято (во все дни, кроме Субботы) надевать новую одежду и есть новые плоды, чтобы не говорить благословение шеһехеяну. (Это благословение Богу "за то, что мы смогли дожить до этого времени", произносится при наступлении праздников, а также при других радостных событиях; оно же говорится, когда едят первый раз в году какой-то плод или надевают новую одежду.) Однако если на этот период приходится выполнение заповеди, связанной с каким-то фиксированным временем, например обрезания или выкупа первенца, тогда мы говорим шеһехеяну. Если попадает новый плод, который после 9 Ава уже не удастся достать, то лучше всего сохранить этот плод до Субботы, когда, как уже сказано, произнесение шеһехеяну разрешено. Если беременной женщине хочется съесть какой-то новый плод, или если он полезен больному, они могут съесть его даже не в Субботу.

В эти дни не следует предпринимать рискованные действия.

С начала месяца Ав в гниущем Храме прекратились жертвоприношения. Закон предписывает нам в эти дни усилить траур, воздерживаться от радости. И поскольку радость запрещена, не следует делать ничего, что могло бы ее возбудить.

Не сажают деревья, которые предназначены для создания тени или аромата. Ничего не строят для роскоши, не украшают и не красят дом. (Но если у человека нет жилища, он может его строить.)

Запрещено покупать, шить, ткать и вязать новую одежду, даже если собираешься носить ее после 9 Ава. Даже ношеную одежду не следует покупать, если она нарядная. Запрет на покупку новой одежды даже строже, чем на ношение.

Однако эти ограничения отменяются, если речь идет о выполнении заповедей. Например, можно купить новую одежду или построить дом для но-

вобрачных, которые еще не выполнили заповедь "плодиться и размножаться". Если есть опасение, что цена на какую-нибудь одежду может подняться после 9 Ава, можно купить ее, но не носить.

С начала месяца Ав запрещено стирать даже такую одежду, которую собираешься носить после 9 Ава. Если у человека всего одна рубашка, можно постирать ее, но только до наступления недели, на которую приходится 9 Ава. Детскую одежду стирать можно, если она сильно испачкалась, но лучше делать это не публично. Запрещено надевать новую обувь (кроме обуви, специально предназначенной для 9 Ава: например резиновой). Нельзя стричься и стричь детей.

В этот период не едят мяса и не пьют вина (т.к. жертвоприношения и возмания вина в Храме уже прекратились), однако запрет отменяется ради сеудат-мицва (т.е. трапезы для выполнения заповедей), например, по поводу обрезания, выкупа первенца, бар-мицвы и т.д.

Всем, кроме больных и тех, кто ежедневно моется после работы, запрещено полностью мыться (для удовольствия). Можно мыться, чтобы смыть пот. Нельзя купаться в бассейнах, реках и других водоемах.

Трагические события, выпавшие на 9 Ава

Традиция сообщает нам, что 9 Ава 2449 года от Сотворения мира (1312 г. до н.э. по нееврейскому летосчислению) поколение евреев, вышедшее из Египта, не захотело войти в Землю Израила и Божественным произволением было обречено умереть в пустыне. Но на этом наказание евреев не закончилось: день 9 Ава отмечен трагическими событиями на протяжении всей еврейской истории.

9 Ава 3338 (423 г. до н.э.) вавилонянами был разрушен Первый Храм, после чего последовал 70-летний Вавилонский плен.

9 Ава 3828 (70 г. н.э.) римлянами был разрушен Второй Храм, и последовавшее за этим изгнание не вполне закончилось до сего дня.

9 Ава 3892 (132 г. по приказу римского наместника земля Иерусалима была распахана в знак поругания, и так исполнилось пророчество Иеремии (26:18): «Сион будет вспахан, как поле». Это событие послужило одной из причин восстания Бар-Кохбы, которое продолжалось три года. 9 Ава 3895 (135 г. римляне захватили Бейтар, последнюю крепость Бар-Кохбы, после чего начали массовое изгнание евреев из Земли Израила.

9 Ава 5050 (1290) г. было начато массовое изгнание евреев из Англии, а 9 Ава 5066 (1306) г. - из Франции; еще большим несчастьем было изгнание евреев из Испании 9 Ава 5252 (1492) г.

И в другие века 9 Ава на еврейский народ обрушивались многие несчастья.

Наша кухня



Смалец и шкварки

Снимите жир и жирную кожу с гуся или курицы, помойте, обсушите и нарежьте на мелкие кусочки. Положите на сковороду и держите на слабом огне, пока не растопится весь жир. Добавьте лук и яблоко. На каждый стакан жира, который нужно перетопить, потребуется 1/4 ст. мелко нарезанного лука и ломтик яблока. Охладите, слейте смалец. Лук и шкварки тоже.

Применение: например, их можно добавить в картофельный кугл или сделать паштет, смешав их со сваренными вкрутую и мелко порубленными яйцами. Лук для смальца можно не нарезать мелко, а сделать глубокий крестообразный надрез на луковице, не разрезывая ее до конца. В этом случае после перетапливания жира луковицу просто выбрасывают.

Гуляш куриный

Курица (2 кг.), 2 стл. муки, 2 чл. соли, 1/4 чл. перца, 4 стл. куриного смальца, 1,5 ст. лука, нарезанного кольцами, 1 стл. красного перца, 1 ст. киятка.

Курицу разрежьте на куски и каждый кусок натрите мукой, солью и перцем обжарьте куски в растопленном жире, выньте курицу и на оставшемся жире обжарьте лук. Опять положите на сковороду курицу посыпьте красным перцем и залейте водой, закройте крышкой и тушите на слабом огне 1,5 часа (до полной готовности). Курицу можно подавать с нудлэн (лапшей).

Хелзль (фаршированные шейки)

1,5 ст. просеянной муки, 4 стл. тертого лука, 0,5 ст. смальца, [1,25 чл. соли, 0,25 чл. черного перца, 1 чл. красного перца.

Осторожно снимите кожу с шейки гуся или 2-3 цыплят. Зашейте один конец, смешайте все продукты и нафаршируйте шейку, зашейте второй конец. Шейку можно потушить вместе с птицей или сварить в бульоне. Перед подачей на стол нарежьте ломтиками.

Другой способ: вместо тертого лука положите мелко рубленый лук, вместо смальца – куриный жир, но нарезанный маленькими кусочками.

Приятного аппетита!

**БОГ ГОВОРИТ ТАК: ЕЖЕЛИ ПРИДЕТЕ В
ДОМ МОЙ,
ТОГДА И Я ПРИДУ В ВАШИ**
Гиллелб

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

**КОМПАНЕЕЦ
Людмилу Георгиевну**

**ХЕЙФЕЦА
Израиля Григорьевича**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

*Еврейская община имеет честь поздравить
с 95 летием*

ФЛАКСМАН РИВУ БОРИСОВНУ

*Пожелать ей здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!*

*Еврейская община
выражает благодарность за пожертвования*
**Фане Цукаревой, Евгении Игнатенко,
Маргарите Сийкки**